

ШЛО ЛЕТО 1930 ГОДА. Наловив в маленькой речке Криуше удочкой пескарей, я возвращался домой. Чтобы сократить путь, решил пройти через леваду. Путь преграждал густой высокий краснотал. Програвшись сквозь него, я увидел во дворе Никиты Алексеевича Матвеева собравшихся в кружок казаков. Они были в приподнятом настроении, порой громко хохотали, горячо разговаривали, гладили пышные бороды, на их головах подпрыгивали старые фуражки с красными околышами. Разумеется, мне хотелось знать, что же происходит в казачьем кругу. Я неуверенно подошел поближе и остановился в сторонке, чтобы не быть замеченным, поскольку еще соблюдались установленные давнишние традиции: не место молодым там, где ведут беседу опытные казаки. Но вдруг раздался густой бас:

— Брысь отсюда!

— Нехай послушает, тут дела казачьи, — вступился за меня кто-то.

В самом центре казачьего круга стоял крепко сложенный плечистый хозяин двора, считавшийся самым грамотным человеком в хуторе, — Никита Алексеевич Матвеев. Казачью службу знал во всех подробностях, возглавлял отряд по уничтожению остатков банды Фомина.

Работал председателем сельпо, попутно руководил ликбезом — лик в и д а ц и е й безграмотности. Недавно он вернулся из Москвы и привез оттуда журналы «Октябрь», где напечатан «Тихий Дон». Один из них он держал в руке.

— Так вот, казаки, — заговорил Никита Алексеевич, — читал я вам роман Михаила Александровича в течение восьми дней. Теперь поговорим об этом.

— В нашей сотне такой казак Шолох никогда не служил. Мишка у нас был, так он же Арсеньев, — сказал Егор Коновалов.

— Не было такого и у нас, — подтвердили многие присутствующие.

— Ладно, — продолжил Коновалов, — хотя его и не было, но сочинитель описал истинную правду. О чем мы тогда гутарили при сотнике и без него, как воевали, чего делали в час отдыха. Вся правда в его книгах есть. Должно быть, он тайком приходил и подслушивал.

— Не плети небылицу, — перебил его Иван Хрипунов, — чужого служивого все враз бы заметили. В те времена Шолохов был почти мальчишкой. Тут другая правда. Мне про него рассказывал сам Ермак. Мы с ним служили и в белых, и в красных. А Шолохов имел с Ермаком встречу, про службу его расспрашивал. Да и письмо из самой Москвы прислал Ермаку, еще что-то ему, Шолохову, надо было узнать про военные дела.

— А говоришь, Шолох — казаченок. Значит, он московский?

— Да нет. Он рожден в хуторе Кружилине. Близкий сосед наш. Подросток, женился на дочери бывшего атамана станицы Букановской, и вместе с женой выехали в Москву по писательским делам. Мне об этом сказал Ермак, — возразил Хрипунов.

— Гляди, какой смышле-

ный. В Москве-то, оно понятно, пиши себе да пиши, — поделился своими мыслями Тихон Шумилин.

— Чего же тут понятного? Где он мог там увидеть боевых коней под седлом и в полной сбруе? Кони-то вон как законно описаны Михаилом Александровичем, — убежденно заявил Платон Попов.

ИЗ ПОЧТЫ
СТРАНИЦЫ
«РЫЦАРИ
РОССИИ»

С ЧЕМ ГОНЦЫ К ШОЛОХОВУ ЕЗДИЛИ

— Опять не то. Шолохов давно возвратился из Москвы в Букановскую, а затем переехал в Вешки. А вот Ермака не стало. Его забрали в казенный дом, и оттуда пока никакого слуха не подает, — озадаченный судьбой друга, тихо сказал Иван Хрипунов.

— Кто же он, твой Ермак?

— Его все знают в округности. Кавалер четырех Георгиевских крестов. По-настоящему-то это есть Ермаков Харлампий Васильевич.

— А вот про Григория Мелехова, о каком пишет Шолохов, я в Боковской не слышал, — заметил Василий Рвачев.

— И я тоже, — опять заговорил своим четким голосом Иван Хрипунов. — Но по слову Ермак — что твой Мелехов, нос с горбинкой, чуб волной на левую сторону надетой набекрень фуражки. Словом, много одинаковых признаков имел. В бою — тот же Ермак. Шашка у него в деле молоньей блистала. Правда, у Ермака не во всех подробностях сходство с Мелеховым.

— Казаки у сочинителя похожи на нас. Когда мы на войне, в поле, дома, а то и за столом при рюмке. Казачки — как и наши. Тихая Ильинична, Аксинья — бойбаба, Станом вышла, облик обвеян красотой. Любопытный казак заглядится. Гришка — хват. Поначалу на своем коне замутил ей голову, когда она на коромыслах воду несла, — лихо закручивая длинные черные усы, выпалил Никита Андреевич Белагин.

— Этот Шолохов, пожалуй, похлеще того боковского мастера, который любую вещь нужную ловко выточит, по заказу — винт с резьбой, иглу с ушком, косогон к каждой косилке делает. Видно, кому что дано. Шолох стал умелым сочинителем. Выслушал его писание о жуткой казни Подтелкова и Кривошлыкова — теперь душа покоя мне

не дает, — вступил в разговор стройный, одетый в длинную черную рубашку, перетянутую военным ремнем, Егор Семенович Макеев.

Тут вышел в казачий круг хуторской полевод Степан Алексеевич Щегольков. Заговорил:

— В конце нынешней весны приехал ко мне председатель нашего колхоза «Гигант» Николай Петрович

Поглядев на председателя, сказал: «Вы, товарищ Ковалев, подберите себе заместителей и полеводов, хорошо знающих землю». «Трудно мне, я из города прислан, — жалобно заговорил председатель, — а тут объединили шесть колхозов в один гигант, за неделю не объедешь». Праздник в центре, в Горбатове. Слева и справа сплошные хутора на сорок верст, лишь названия разные. Версты, версты. Есть у нас не только земля, но и лошади, разный скот. А вот руководить гигантом не моего ума дело. Но будем стараться, Михаил Александрович».

— После этого, — подытожил Степан Щегольков, — Шолохов сердито произнес: «Гигантомания. Один вред».

— Ну, ладно, будем кончать разговор, — заявил Никита Алексеевич.

— Погоди, — возразил Михаил Рвачев, — давайте пошлем гонцов к Михаилу Шолохову. Пускай докончит о судьбе Мелехова, других казаков, также пошире сочинит о Филиппе Кузьмиче Миронове, как о красном командире, наиточнейшем стрелке из револьвера и винтовки.

Тут резко соскочил со скамейки седой казак Фрол Алексеевич Говорухин.

— У меня есть своя нужная добавка. Не знаю, как с россиянами, а с нами, казаками, не доже по-доброму обращаются и теперь. Помните, в прошлом, двадцать девятом, году все хуторяне честь по чести пришли на собрание, многие с женами. Тут выходит на сцену товарищ уполномоченный, он из Усть-Медведицы прибыл. На вид справный, гимнастерка, брюки — галифе, сапоги блестящие, хоть глядись в них, крученый ремень идет через грудь до самой кобуры. Загугурило о колхозе. А уполномоченный тут же на стол положил револьвер дулом прямо в народ. Мое сердце заиграло мутью, я вскочил и во все горло зашумел: «Я в японской сражался, с германцами воевал и за революцию тоже вздополь нахватался и горя и храбрости!»

— Хватит, дед!

— Не перечь, Ефрем, ты в то время на хуторском собрании не был, отлучился куда-то. Говорю свои мысли, ты не остановишь: «О колхозах малость знаем из районки. Колхозы, может, и нужное дело, а ты своей пушкой пужаешь нас».

Товарищ уполномоченный взад-вперед задергал плечами. А я вроде как хуторской атаман, дал разгон: «Казаки и бабочки, марш по домам!» Клуб стал чистой пустыней.

Потом долго раздумывал. — Осторожно гутарь, дед Фрол. В политику кидаешь камни, — крикнул кто-то.

— Веду я все это к тому, — продолжил Фрол Алексеевич, — чтобы присоединить к нашему прошению — нехай сочинитель Шолохов пропишет по всей правде и о колхозах.

— Принимаем. Дело житейское, — в один голос сказали казаки, — в воскресенье гонцы будут у него.

